

Кухарка женится — эпизод 1 из 2

Гриша, маленький, семилетний карапузик, стоял около кухонной двери, подслушивал и заглядывал в замочную скважину. В кухне происходило нечто, по его мнению, необыкновенное, доселе невиданное. За кухонным столом, на котором обыкновенно рубят мясо и крошат лук, сидел большой, плотный мужик в извозничьем кафтане, рыжий, бородатый, с большой каплей пота на носу. Он держал на пяти пальцах правой руки блюдечко и пил чай, причем так громко кусал сахар, что Гришину спину подирал мороз. Против него на грязном табурете сидела старуха нянька Акулина Степановна и тоже пила чай. Лицо у няньки было серьезно и в то же время сияло каким-то торжеством. Кухарка Пелагея возилась около печки и, видимо, старалась спрятать куда-нибудь подальше свое лицо. А на ее лице Гриша видел целую иллюминацию: оно горело и переливалось всеми цветами, начиная с красно-багрового и кончая смертельно-бледным. Она, не переставая, хваталась дрожащими руками за ножи, вилки, дрова, тряпки, двигалась, ворчала, стучала, но в сущности ничего не делала. На стол, за которым пили чай, она ни разу не взглянула, а на вопросы, задаваемые нянькой, отвечала отрывисто, сурово, не поворачивая лица.

Кушайте, Данило Семеныч! угощала нянька извозчика. Да что вы всё чай да чай? Вы бы водочки выкушали!

И нянька придвигала к гостю сороковушку и рюмку, причем лицо ее принимало ехиднейшее выражение.

Не употребляю-с... нет-с... отнекивался извозчик. Не невольте, Акулина Степановна.

Какой же вы... Извозчики, а не пьете... Холостому человеку невозможно, чтоб не пить. Выкушайте!

Извозчик косился на водку, потом на ехидное лицо няньки, и лицо его самого принимало не менее ехидное выражение: нет, мол, не поймаешь, старая ведьма!

Не пью-с, увольте-с... При нашем деле не годится это малодушество.

Мастеровой человек может пить, потому он на одном месте сидит, наш же брат завсегда на виду в публике. Не так ли-с? Пойдешь в кабака, а тут лошадь ушла; напьешься ежели еще хуже: того и гляди, уснешь или с козел свалишься. Дело такое.

А вы сколько в день выручаете, Данило Семеныч?

Какой день. В иной день на зелененькую выездишь, а в другой раз так и без гроша ко двору поедешь. Дни разные бывают-с. Нонче наше дело совсем

ничего не стоит. Извозчиков, сами знаете, хоть пруд пруди, сено дорогое, а седок пустяковый, норовит всё на конке проехать. А всё ж, благодарить бога, не на что жалиться. И сыты, и одеты, и... можем даже другого кого осчастливить... (извозчик покосился на Пелагею)... ежели им по сердцу. Что дальше говорилось, Гриша не слышал. Подошла к двери мамаша и послала его в детскую учиться.

Ступай учиться. Не твое дело тут слушать!

Придя к себе в детскую, Гриша положил перед собой Родное слово, но ему не читалось. Всё только что виденное и слышанное вызвало в его голове массу вопросов.

Кухарка женится... думал он. Странно. Не понимаю, зачем это жениться? Мамаша женилась на папаше, кузина Верочка на Павле Андреиче. Но на папе и Павле Андреиче, так и быть уж, можно жениться: у них есть золотые цепочки, хорошие костюмы, у них всегда сапоги вычищенные; но жениться на этом страшном извозчике с красным носом, в валенках... фи! И почему это няньке хочется, чтоб бедная Пелагея женилась?

Когда из кухни ушел гость, Пелагея явилась в комнаты и занялась уборкой. Волнение еще не оставило ее. Лицо ее было красно и словно испуганно. Она едва касалась веником пола и по пяти раз мела каждый угол. Долго она не выходила из той комнаты, где сидела мамаша. Ее, очевидно, тяготило одиночество и ей хотелось высказаться, поделиться с кем-нибудь впечатлениями, излить душу.

Ушел! проворчала она, видя, что мамаша не начинает разговора.

А он, заметно, хороший человек, сказала мамаша, не отрывая глаз от вышиванья. Трезвый такой, степенный.

Ей-богу, барыня, не выйду! крикнула вдруг Пелагея, вся вспыхнув. Ей-богу, не выйду!

Ты не дури, не маленькая. Это шаг серьезный, нужно обдумать хорошенько, а так, зря, нечего кричать. Он тебе нравится?

Выдумываете, барыня! застыдилась Пелагея. Такое скажут, что... ей-богу...

Сказала бы: не нравится! подумал Гриша.

Какая ты, однако, ломака... Нравится?

Да он, барыня, старый! Гы-ы!

Выдумывай еще! окрысилась на Пелагею из другой комнаты нянька. Сорока годов еще не исполнилось. Да на что тебе молодой? С лица, дура, воды не пить... Выходи, вот и всё!

Ей-богу, не выйду! взвизгнула Пелагея.

Блажишь! Какого лешего тебе еще нужно?